

Му Лян не выказывала недовольства, все её мысли были заняты вышивальной мастерской, и у неё не было времени болтать и шутить с Линь Жань. У Линь Жань от постоянной улыбки уже заломило лицо, да и голод мучил не на шутку. К счастью, какая-то служанка принесла рисовых пирожков, и она наконец-то смогла утолить голод.

Поедая пирожки, она всё время поглядывала на А-Лян и, неожиданно поймав её взгляд, вынуждена была скромно улыбнуться. Му Лян не стала ничего говорить, лишь взглянула на неё и снова замолчала.

Линь Жань, почувствовав себя неловко, погрузилась в молчаливое поедание пирожков.

Поскольку они были вне дома, обедать пришлось в таверне. Линь Жань заранее заказала отдельный кабинет, и, выйдя из мастерской, они сразу направились туда.

По дороге она не спрашивала, почему цены вдруг повысились, лишь изредка косилась на Му Лян, а затем опускала голову, ведя себя необычайно смирно.

Му Лян, войдя в карету, откинулась на спинку и закрыла глаза, погрузившись в раздумья, так что Линь Жань не смогла выдать ни слова. Она шевелила губами, несколько раз пыталась заговорить, но не решалась вплоть до самой таверны.

А-Лян такая злая!

В таверне в главном зале было полно гостей, почти все места заняты, поэтому они поднялись на второй этаж в кабинет. Зная вкусы Му Лян, Линь Жань заказала подходящие блюда. Когда официант ушёл, она наконец осмелилась взглянуть на Му Лян и произнесла:

— А-Лян.

— Княжна! — раздался стук в дверь.

Всё мужество, которое Линь Жань с таким трудом собрала, мигом испарилось от этих слов, и она лишь сердито уставилась на дверь:

— Что орешь? Идите и ешьте, а если не хотите — три дня не ешьте.

Услышав её гневный оклик, слуга слегка оробел и с опаской произнёс:

— Князь Линьнань как раз пьёт в таверне и хотел бы навестить княжну.

Только тогда Му Лян произнесла:

— Пусть войдёт.

Влияние наследного принца ослабло, и несколько князей Восточного дворца также не пользовались уважением при дворе, их милость была даже меньше, чем у семьи Су, поэтому люди Восточного дворца действовали с большой осторожностью.

Князь Линьнань Чэнь Хуайшэн был третьим сыном, обладал выдающейся внешностью и недюжинными способностями. Сегодня он пришёл выпить с другими представителями знати и, увидев Линь Жань, догадался, что Му Лян тоже здесь, поэтому решил нанести визит.

Он был одет в роскошный халат, выглядел стройным и статным, больше похожим на наследника знатного рода, чем на князя. Войдя в кабинет, он увидел девушку, подпирющую

щеку рукой и явно погружённую в свои мысли. Он поклонился и с улыбкой сказал:

— Девятнадцатая тётушка.

Линь Жань не сдвинулась с места, лишь взглянула на него и недовольно заметила:

— Я тоже твоя тётушка.

Чэнь Хуайшэну было шестнадцать лет, он был старше Линь Жань, и её слова заставили его почувствовать себя неловко. Он смущённо проговорил:

— Глава семьи Линь, вы всегда любите подшутить.

— Какое тут шутение? Я помолвлена с твоей девятнадцатой тётушкой, так что по старшинству я тоже твоя тётушка. — Линь Жань вдруг подумала, что эти люди, кажется, страдают провалами в памяти, раз никто не признаёт её отношения с А-Лян.

Услышав такие серьёзные слова, улыбка на изящном лице Чэнь Хуайшэна застыла, он посмотрел на Му Лян:

— Глава семьи Линь молода годами, но, судя по старшинству, занимает высокое положение. Если так пойдёт дальше, многим придётся называть вас тётушкой.

— Верно, благодаря А-Лян у меня много племянников и племянниц, если посчитать, то наберётся не меньше тридцати-сорока человек. В день свадьбы я каждому дам большой красный конверт, чтобы вы не остались в убытке. — Линь Жань задумчиво сказала, а, видя, что Чэнь Хуайшэн молчит, добавила:

— По тысяче лянов каждому — вы точно не проиграете.

Чэнь Хуайшэн перестал улыбаться. Тысяча лянов равнялась его годовому жалованью, а тридцать-сорок тысяч лянов, так просто обещанных с рук, — это сумма, с которой даже его две родные тётушки не могли бы сравниться.

Он сдержанно улыбнулся:

— Глава семьи Линь, вы действительно забавны.

Богатство семьи Линь вызывало зависть, и он вдруг понял, что слова его отца были ошибочны. Хотя слово «низкий» и относилось к торговцам, глава семьи Линь выросла в резиденции князя Му. Получив её, они приобретали не только серебро для подношений, но и поддержку Му Нэна. Этот брак был весьма выгодным.

К сожалению, его отец не мог этого понять; даже будучи столь знатными, как Восточный дворец, они всё равно подвергались пренебрежению.

Линь Жань не хотела больше разговаривать с этим человеком и просто молча пила чай. Му Лян, видя это, вступила в разговор:

— Князь, сегодня вы не на службе?

Чэнь Хуайшэн ответил:

— Нет, друзья пригласили меня почитать стихи, поэтому я заглянул в таверну. С нами много

девушек, глава семьи Линь, не хотите ли посмотреть? Девятнадцатая тётушка обладает выдающимся литературным талантом, и вы, несомненно, унаследовали его.

— Князь, вы ошибаетесь, я не рождена от А-Лян, как же я могу унаследовать её талант? Я не разбираюсь в поэзии, но немного умею драться, хотите попробовать? — Линь Жань вежливо отказалась, зная, что знатные люди в Лояне считают её простолюдинкой, и если она пойдёт, то лишь навлечёт на себя унижение.

Чэнь Хуайшэн, будучи искушённым как в литературе, так и в боевых искусствах, служил в Страже Цзинью. Он не знал, насколько сильна Линь Жань, и искренне хотел пригласить её развеяться, но, получив отказ, неловко улыбнулся:

— Если представится случай, я обязательно посоревнусь с главой семьи Линь.

— Хорошо, буду ждать. Князь, идите лучше читайте стихи, сегодня мой угощение, пейте на здоровье. — Линь Жань прямым текстом выпроваживала гостя, едва сдерживаясь, чтобы не вытолкать его за дверь. Она только собралась с духом заговорить, а тут этот помеха всё испортил.

Глядя на равнодушное лицо А-Лян, она всхлипнула, готовая расплакаться.

После того как Чэнь Хуайшэн ушёл, Му Лян так ничего и не сказала, не упрекнув её за невежливость. Линь Жань больше не осмеливалась открыть рот, она подпёрла голову руками, словно желая спрятаться в собственной груди, и безнадежно уставилась на чайную чашу перед собой.

Обед был безвкусным, Линь Жань ела, как воск, лишь чтобы наесться. После обеда она снова следовала за А-Лян, как привязанная, маленьким хвостиком.

Так прошло два-три дня. Линь Жань была вялой и подавленной, словно ребёнок, у которого отняли конфету. Наконец, не выдержав, по возвращении в резиденцию она решила пристать к А-Лян.

Она выпроводила всех служанок, заперла дверь изнутри, подошла к Му Лян и осторожно спросила:

— А-Лян, ты всё ещё злишься?

— Ты в последние дни вела себя так смиренно, как я могу злиться? — Му Лян не подняла головы, продолжая смотреть в счёты, но с тех пор, как Линь Жань закрыла дверь, она не перелистнула ни одной страницы.

Линь Жань, охваченная беспокойством, не заметила этой детали, иначе бы сразу подошла ближе, а не стояла бы так, потерянно.

Она потрогала своё ухо и, опустив голову, извинилась:

— Я не должна была обмануть тебя той ночью, я просто... просто хотела побыть с тобой подольше.

— Когда ты меня обманула? Я ничего не знаю. — Му Лян по-прежнему не поднимала взгляда, свет свечи падал на её бледный профиль, очерчивая изящные линии. Линь Жань надула губы, ей так хотелось потянуться и ущипнуть её за щёку.

К сожалению, виновата была она сама, так что смелости не хватало.

Глядя на её профиль, она наконец произнесла то, что обдумывала несколько дней:

— Я извиняюсь, больше не буду тебя обманывать, ладно? Ты так ведёшь себя — это хуже, чем если бы ты меня поругала.

— Когда я тебя ругала? — Му Лян слегка приподняла глаза, свет свечи отразился в её спокойных, как вода, зрачках, придав им мерцающий оттенок и смягчая выражение лица, отражая беспокойство Линь Жань.

Линь Жань растерялась:

— Я бы лучше, чтобы ты меня поругала.

Пробормотав это, она замолчала. Му Лян не стала с ней спорить, снова опустила глаза и сказала:

— Открой дверь, пусть принесут еду.

— Нет, я не голодна. Если ты со мной не разговариваешь, дверь не открою. — Линь Жань начала хулиганить, подошла и села рядом, не давая ей уйти.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь треском свечи. Линь Жань была на взводе, Му Лян делала вид, что спокойна, перелистывая страницы, но Линь Жань выхватила у неё книгу и с раздражением воскликнула:

— Если ты злишься, так и скажи, поругай меня! Раньше ты хоть что-то говорила, а теперь вообще со мной не разговариваешь!

— Ты уже совершеннолетняя, взрослая девушка. Ругать тебя — значит унижать твоё достоинство, это тебе ни к чему. Сама знаешь, что ошиблась, зачем придумывать себе лишнее. — Му Лян слабо улыбнулась, протянула руку, чтобы забрать свои счёты, но Линь Жань кинула их в окно.

В окно влетел прохладный ветерок, немного уняв жар. Линь Жань тут же пожалела о своём поступке и робко посмотрела на неё:

— Я... я сейчас поговорю и потом их поищу и принесу.

Му Лян почувствовала прилив слабости, откинулась на мягкую подушку. Ветер, влетевший в окно, развеивал несколько прядей волос, заставляя её прищуриться:

— Раз ты уже осознала свою ошибку, зачем мне об этом говорить? Обман — это вещь, которую трудно определить.

Линь Жань почему-то поняла последнюю фразу: трудно определить... раз этот обман раскрылся, это не значит, что в будущем она не будет обманывать снова. Она вдруг осознала:

— Я больше никогда тебя не обману, ты мне поверишь, хорошо?

Му Лян промолчала. Ветер качал пламя свечи, делая её взгляд тёмным и неопределённым. Через мгновение она улыбнулась:

— Тебе не нужно так волноваться, после свадьбы...

<http://bllate.org/book/16862/1553528>